

WARHAMMER
40,000

FAILURE'S REWARD

CHRIS WRAIGHT

Вознаграждение неудачи

Крис Райт

• • •

Многое я помню стыдно. Иногда воспоминания возвращаются ко мне. Иногда, в худшие дни, я не помню собственного имени. Но сейчас я помню его: я Тарольф. Я был Тарольфом с тех пор, как родился и солнце светило надо мной. Не знаю, где это было. Подозреваю, что с тех пор прошло долгое время. Долыше, чем живут некоторые люди.

Когда я подумал об этом, то вспомнил про лед. Я любил лед. Любил то, как он трескался

и крошился, когда я бежал по нему. Я все еще могу вспомнить запах шкуры, которую носил на плечах. Я и сейчас ношу шкуру, но теперь она пахнет пеплом. Моя плечи тоже

изменились: они увеличились вдвое. Тебя бы приняли за монстра, вернись я на лёд. Я

испугаю Хеля Две Кости и Ульфара, если они увидят меня вновь.

Кто они, Две Кости и Ульфар? Я не совсем уверен. Они должны быть терпты. А может

быть, они были просто снами. Я создал сон про лед - про то, как он блестел, когда солнце

ярко пыпало - так что, должно быть, все это было сном.

Сейчас я смотрю на то, что делаю. Об этом я знаю все. Я хорошо делаю свою работу. Но

время работы я не сплю и не забываюсь, я просто делаю. Чистота. Осторожность. Об

этом мне напоминают жрецы, и это помогает.

Я придаю чащевидную форму священной дентали незавершенной брони в твоей ладони.

Она тяжелая, как кусок камня, хотя в твоих огромных руках и не кажется такой. Не помню,

из чего она сделана. У этого вещества есть название, которое я бы сказал, но сейчас не

тому вспомнить его. Это не сталь, не горная порода и не каменное сердце (Heartstone). Я

просто называю это деталью. Другие знают, что я имею в виду.

Итак, это то, что я делаю. Использую наковальню. Беру деталь и зажимаю ее в тисках.

Туго затягиваю тиски, и иногда их железные края могут оставить на детали вмятины,

однако голыми руками ей нельзя нанести повреждения - деталь тверже гранита.

Затем

покрываю поверхность воском, толстым слоем, надев перчатки для защиты от химических ожогов. На это требуется долгое время: однажды прошло два дня, прежде

чем удалось достичь безупречного результата. Когда поверхности

становится ровной, я
любуюсь ей в свете костра. Она гладкая,
как кожа — не твоя, но как кожа девушки, по
крайней мере, твой, которого я помню.

Затем я беру штифт и работаю.
Работаю осторожно. Это занимает
недели, иногда

месяцы. Я никогда не знаю этого
наверняка, поскольку погружен в работу, и
не могу

увидеть здесь стену дня и ночи — только
огонь, жар и людей, которые приходят и
ходят.

Они никогда не смотрят на меня, даже
когда приносят новую деталь или
забирают уже

завершенную. Я тоже не уделяю им особого
внимания, просто получая удовольствие от
своей работы.

Я беру долото, острое, как рыболовный
крючок. Если оно скользнет, то сдерет
кожу,

даже твою. Я наклоняюсь ниже, опустив
глаза так низко, как только могу,

постукивав по

воску. Стук, стук, стук. Этот звук
приятен. Он напоминает о том, что я
делаю, и я никогда

не вспоминаю про лед или про солнце,
когда работаю.

Пройдут месяцы, прежде чем все будет
сделано. Если я совершаю ошибку, то
начинаю

все заново. Готовая деталь не должна
содержать ошибок: всего одна, даже самая
маленькая, сделает машину бессильной.
Однажды мне пришлось начинать все
сначала,

вернувшись деталью обратно в сердце кузни,
жрецам в глубине горы. Они избили меня
за это,

но я чувствовал, что поступил верно, даже
когда кровь стекала по моей спине.

Если бы я не потерпел неудачу и стал
тем, кем мечтал стать, то не захотел
бы носить

броню, которая содержала ошибку. Я
думаю о тех, кто добился успеха, и мне

хочется,

чтобы эта броня была лучшей, пусть даже я сам не смогу носить ее, как хотел долгое время.

Так что я работаю с воском, создавая священные рисунки, я вычерчиваю древние линии,

кривые и узлы. Рисую змеев, головы волков и крылья драконов. Но я не изображаю руны

только жрецы могут делать их, связывая тогущесственной магией. Мне бы хотелось увидеть, как они создают руны, как их контуры горят на броне, хотя я и знаю, что это

является секретом.

Когда фигуры воплощены в воске, я беру кислоту. Я приношу ее в тигле и поливаю ей

демаль в тисках. При обжиге она шипит подобно змее. Я должен быть осторожен: слишком много - и демаль будем испорчена; слишком мало - и некоторые места будут

пропущены. Я должен спешить, стерев кислоту прежде, чем она въестся в наковальню и сделает железо непрочным.

Однажды я пролил кислоту на руку. Она жгла сквозь перчатку. На твоей левой руке осталось только три пальца, к счастью, я вырезаю фигуры правой, и потому смог служить дальше. Теперь я стал осторожнее, чем раньше. Это был хороший урок.

Когда кислота заканчивается, я разжимаю тиски и обламываю воск с поверхности детали.

Я полирую поверхность стальной щеткой и промываю водой, лью на нее масло, наблюдая, как оно стекает по сделанным тною узорам.

Иногда я просто поднимая деталь, поворачивая ее в отблесках огня, глядя на то, что я сделал. Я знаю, что в этот момент вижу свою работу в последний раз, и иногда эта мысль

вызывают боль в желудке.

Я беру ткань и тщательно заворачиваю деталь. Затем иду к жрецу и встаю на колени,

склонив голову и предлагая свою работу. Он останавливает ее, иногда делая это в течение

часа. Иногда отправляет меня обратно, хотя в большинстве случаев забирает деталь.

Это наполняет меня гордостью. Если я трудился долгое время, он обычно принимает мою

работу. Я продолжаюносить пользу, и от осознания этого тошнота проходит.

Когда я ожидал в последний раз, то увидел, как они крепят сделанную мной деталь.

Единственный раз я стал свидетелем того, как это происходит. Детали крепились на теле

Небесного Воина с огненно-рыжими волосами и гладкой кожей. Тот носил остальные

части госпеха, они были новыми и не имели отметин. Только часть, сделанная тной,

осталась неустановленной. Жрец взял ее, и рабы-техники прикрепили ее - установили на колено, между большими пластинами на левой ноге. Теперь госпех стал завершенным.

Я должен был уйти. Я знал что должен, но оставался там еще некоторое время. Я видел

Небесного Воина, стоящего там, и то мысли вновь вернулись к тому, как я проходил

испытания, и как близок был к успеху. Я вспомнил, как они сделали мое тело сильнее.

Вспомнил, как больно было, когда я потерпел неудачу, и как я думал что умру. Это вновь

вызвало боль в желудке. Вспомнил, как хотел умереть и как желал, чтобы они позволили

тне это.

Но затем Небесный Воин посмотрел на меня, и увидел, что это я сделал деталь. Он

кивнул, всего один раз, а затем отвернулся от меня, и они продолжили снаряжать доспех.

Жрец заметил, что я стою там, и я ушел. Они вернули меня в кузницу, вернувшись меня к

наковальне и дали мне новую деталь для работы, еще одну деталь без отметок на ней.

И сейчас я смотрю на то, что делаю. Об этом я знаю все. Я хорошо делаю свою работу.

Во время работы я не сплю и не забываюсь, я просто делаю. Чистота. Осторожность. Об

этом мне напоминают жрецы, и это помогает.

Я все еще ощущаю боль, время от времени. Иногда я не сплю или вспоминаю о вещах, которые не хочу помнить.

Но есть один сон, который я люблю. Я вижу Небесных Воинов в торе звезд. Вижу, как они

сражаются, одетые в свою броню. На некоторых деталях имеются знаки, оставленные

тной. Как и все, что они носят, знаки безупречны. Тысячи подобных ти работают в

кузнях, вырезая и мастеря. Небесные Воины не знают об этом, но они и не должны знать.

Достаточно того, что они служат.

Когда я просыпаюсь от сна, я доволен. Я все еще помню, что однажды потерпел неудачу, но помню и о том, что все еще могу служить дальше. Это награда: я все еще служу.

Я не помню, как долго я нахожусь здесь, среди трака и отблесков пламени. И не знаю,

сколько еще буду оставаться. Возможно, всегда. Возможно, до тех пор, пока не

настанет

конец света.

Многое я помню стыдно. Я Тарольф, и
когда-то я любил лед.

Я хотел бы, чтобы я мог сражаться. Это
твой сон.

Но это — долг Небесных Воинов, а твой долг
— помогать им. Иногда мне достаточно
просто

чувствовать это

...